

ВИЗУАЛЬНЫЕ ДИАГРАММЫ speculum theologiae и средневековое искусство памяти

А. С. ЕГОРОВА

Школа исторических наук НИУ ВШЭ,
105066, Россия, Москва,
ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3
eto.nastya@gmail.com

ANASTASIA S. EGOROVA

HSE University School of History, 105066,
Russia, Moscow, Staraya Basmannaya St.
21/4, building 3
eto.nastya@gmail.com

Для цитирования: Егорова А. С. Визуальные диаграммы Speculum theologiae и средневековое искусство памяти // Журнал ВШЭ по искусству и дизайну / HSE University Journal of Art & Design, 2024. №4 (4). С. 216–239

visual diagrams speculum
theologiae and medieval
art of memory

DOI: 10.17323/3034-2031-2024-1-4-216-239

Аннотация

В центре внимания статьи находится Зерцало теологии (*Speculum theologiae*) — уникальный сборник иллюстраций-диаграмм, который представляет собой предельно концентрированное визуальное воплощение католической дидактики XIII–XV веков. В иллюстративный ряд Зеркала входили миниатюры с изображениями как абстрактных таблиц и циркулярных диаграмм, так и вполне фигуративных образов: херувимов и серафимов, деревьев и башен. Большая часть изображений была разработана францисканскими монахами, поэтому есть все основания предполагать, что рассматриваемые иллюстрации мыслились средневековыми богословами не только как удобные схемы для хранения и систематизации вероучения, но и как мнемоническое подспорье для проповеди. На примере рекомендаций для проповедников в сборниках Artes praedicandi и некоторых миниатюр Зеркала теологии показан механизм работы иллюстративных таблиц в качестве мнемонических пособий. Помимо этого, в статье прослежено влияние умозрительных схем Гуго Сен-Викторского и диаграмм «Великого искусства» Раймунда Луллия на иконографию и принцип работы отдельных иллюстраций Speculum theologiae. Для выполнения этой работы необходимо было изучить таблицы-иллюстрации и впервые в русскоязычной науке перевести их. Это во многом помогло понять механизм, согласно которому функционируют подобные схемы, и каким образом в них соотносятся формы, изображения и тексты. Визуальные диаграммы, будучи сугубо латинской средневековой формой создания книжной миниатюры, ставят перед исследователями широкий круг вопросов. Однако обобщающих исследований, в которых были бы охвачены и проанализированы все аспекты, связанные с диаграммами Зеркала теологии, в отечественной и зарубежной историографии, к сожалению, практически не существует. Это обстоятельство и подчеркивает актуальность выбранной темы.

Ключевые слова: история искусства, искусство западноевропейского Средневековья, книжная миниатюра, христианская иконография, визуальные диаграммы, Speculum theologiae, искусство памяти

Abstract

The article focuses on the *Speculum theologiae* miniatures, a distinctive collection of instructional illustrations that played a significant role in Catholic education from the 13th to 15th centuries. These illustrations feature a blend of abstract designs, such as tables and circular diagrams, alongside specific imagery including celestial beings like cherubs and seraphs, as well as trees and towers. Notably, many of these illustrations were created by Franciscan monks, suggesting their dual purpose: as tools for organizing and systematizing the creed and as mnemonic aids for sermons. The report aims to illustrate how these visual tables can serve as effective mnemonic guides for sermons, drawing on the recommendations for preachers found in Artes Praedicandi and analyzing specific miniatures from the Speculum theologiae. Additionally, the research will examine the influences of figures such as Hugo of Saint Victor, whose speculative reasoning, and Ramon Llull, known for his diagrams in The Great Art, have shaped the iconography and logic of certain illustrations in the Speculum theologiae. The research presented in the article involves reading and translating for the first time into Russian the tables from this manuscript, accompanied by an analysis of how the forms, images, and texts within the illustrations interact with one another. The study of visual diagrams opens a broad range of scholarly inquiries. However, there is a notable lack of comprehensive works that explore and analyze the diagrams of the Mirror of Theology, both in Russian and in the wider field of international historiography. This gap highlights the relevance and importance of the chosen topic for further academic exploration.

Keywords: history of art, medieval art, medieval illuminated manuscripts, Christian iconography, visual diagrams, Speculum theologiae, art of memory

«Диаграмма», пожалуй, один из наиболее широко используемых и при этом довольно размытых терминов, применяемых для описания ряда средневековых иллюстраций. Их можно встретить в самых различных рукописях: от трактатов, посвященных природе и астрономии, до медицинских сборников и градуалов.

Долгое время исследователи западноевропейского средневекового искусства не уделяли должного внимания схематическим иллюстрациям, ограничиваясь либо обобщенными обзорами, либо изучением одной или нескольких диаграмм внутри конкретной рукописи. Книжные миниатюры рассматривались преимущественно с точки зрения стиля, но эта категория едва применима к диаграммам, поэтому историки искусства обходили их стороной. Сегодня искусствоведение не ограничивается вопросами стиля и затрагивает широкий круг проблем, связанных с изобразительным искусством. Так, визуальные диаграммы, хотя и не представляют интерес с художественной точки зрения, ставят перед исследователями целый ряд вопросов, касающихся их иконографии, функций, связи с текстами и, наконец, взаимоотношения формы и содержания.

Ясная и лаконичная форма большинства средневековых схем дает все основания предполагать, что одна из основных функций подобных иллюстраций была мнемонической. Тексты и — реже — изображения вписывались в геометрические или фигуративные схемы, которые, в свою очередь, могли быть составными. Таким образом, те или иные понятия или образы помещались в условную раму, внутри которой были определены локации — своеобразные места, в которых надежно хранилась необходимая и весьма концентрированно изложенная информация [Carruthers, 2008, p. 325].

На латинском Западе таблицы и диаграммы получили широкое распространение в XII столетии. Впрочем, разного рода схематические изображения с вписанными в них теми или иными понятиями и категориями — отнюдь не изобретение века схоластики. Одни из самых ранних примеров диаграмм можно встретить в латинских рукописях начиная с VI века. Яркий тому пример трактат *De natura rerum* (О природе вещей) Исидора Севильского, который современники называли *Liber rotarum* (Книга колес) из-за обилия в ней самых разнообразных циркулярных диаграмм. Эти схемы, не отличающиеся искусностью исполнения, скорее напоминают технические изображения, которые комментируют и разъясняют сказанное в тексте. Однако именно в XII веке понимание основных положений христианского вероучения значительно усложнилось и обросло новыми подробностями, а система знаний и представлений о мире и месте человека в нем становилась, с одной стороны, более структурированной и упорядоченной, а с другой, все более обширной и разветвленной: «Эпоха схоластики была временем бурного развития знания. Кроме того, это была эпоха Памяти, а в такие эпохи для запоминания новых знаний должна создаваться новая образность» [Йейтс, 1997, с. 110].

«Дитя, знание — это сокровищница, а твое сердце — ларец в ней. <...> В сокровищнице мудрости есть различные виды богатств, а в хранилище твоего сердца есть множество мест. В одно ты кладешь золото, в другое — серебро,

в третье — драгоценные камни. Их упорядоченное месторасположение есть ясность знания. Чтобы знать, где что находится, каждую отдельную вещь помещай на положенное ей место — эту на свое, и эту на свое. Беспорядок — мать невежества и забывчивости, но упорядоченная расстановка освещает разум и упрочивает память» [цит. по: St. Victor, 2002a, p. 33] — этими словами начинается *Chronicon* (Хроника) Гуго Сен-Викторского, также известная под заглавием *Liber de maximis circumstanciis gestorum (id est personis locis temporibus)* (Книга о наиболее значимых обстоятельствах истории, а именно людях, местах и событиях). Это дидактический трактат, своего рода учебное пособие, в котором отражена вся история человечества от сотворения мира до шестого года понтификата папы Гонория II (1124–1130) [Worm, 2013, p. 244]. Он состоит из пролога, за которым следуют таблицы, в столбцы и строки которых в хронологическом порядке вписаны ключевые для христианской истории люди (персонажи), места и даты.

В кратком, но обстоятельном предисловии средневековый монах рассуждает о памяти и говорит о трех различных способах классификации знаний, с помощью которых нечто, услышанное однажды, навсегда отпечатывается в памяти ученика. Последние три абзаца пролога Гуго посвящает словесному описанию таблиц, которые он предлагает своим ученикам сначала нарисовать в уме, а в нужный момент воспроизводить их в своей памяти.

Эти таблицы просты по структуре и напоминают таблицы канонов. Ключевые даты и события выделены разными цветами — синим и красным. Здесь проявляется главный и основополагающий принцип для запоминания тех или иных вещей — их жесткая и четкая упорядоченность. И главный принцип мнемонической схемы: ясная удобочитаемая форма с множественными сегментами, в которые вписаны те или иные понятия и положения. Присутствие изображений, что тоже важно, не является обязательным требованием, они могут присутствовать, а могут отсутствовать. Помимо этого, в таблице есть множество «мест», каждое место (в данном случае — столбец) предназначено для определенного понятия. Единожды нарисовав подобную таблицу в уме, ученик в любой момент мог ее репродуцировать перед своим внутренним взором во всех подробностях и достаточно быстро найти искомую информацию.

Система обучения викторинского монаха схожа с мнемоническим принципом, который предлагает своим ученикам анонимный автор античного учебника по риторике *Ad Herennium* (Риторика для Геренния). Это сочинение было широко известно в Средние века и приписывалось Туллию. Нередко его объединяли с подлинным сочинением Цицерона *De inventione* (О нахождении). К XII веку традиция объединения двух текстов установилась окончательно. *De inventione* определялась как «Первая» или же «Старая риторика», а *Ad Herennium*, соответственно, как «Вторая» или «Новая риторика» [Йейтс, 1997, с. 73].

В разделе, посвященном искусной памяти, автор пишет, что искусство памяти сродни умозрительному письму или тексту, который запечатлен в сознании, и любой знающий буквы алфавита может записать внутри себя все

продиктованное и при необходимости прочесть записанное. Тот, кто изучил мнемотехнику, подобным же образом может расставить в своей голове по определенным местам все услышанное или увиденное, а затем до мельчайших подробностей, ничего не упустив, извлечь это из своей памяти.

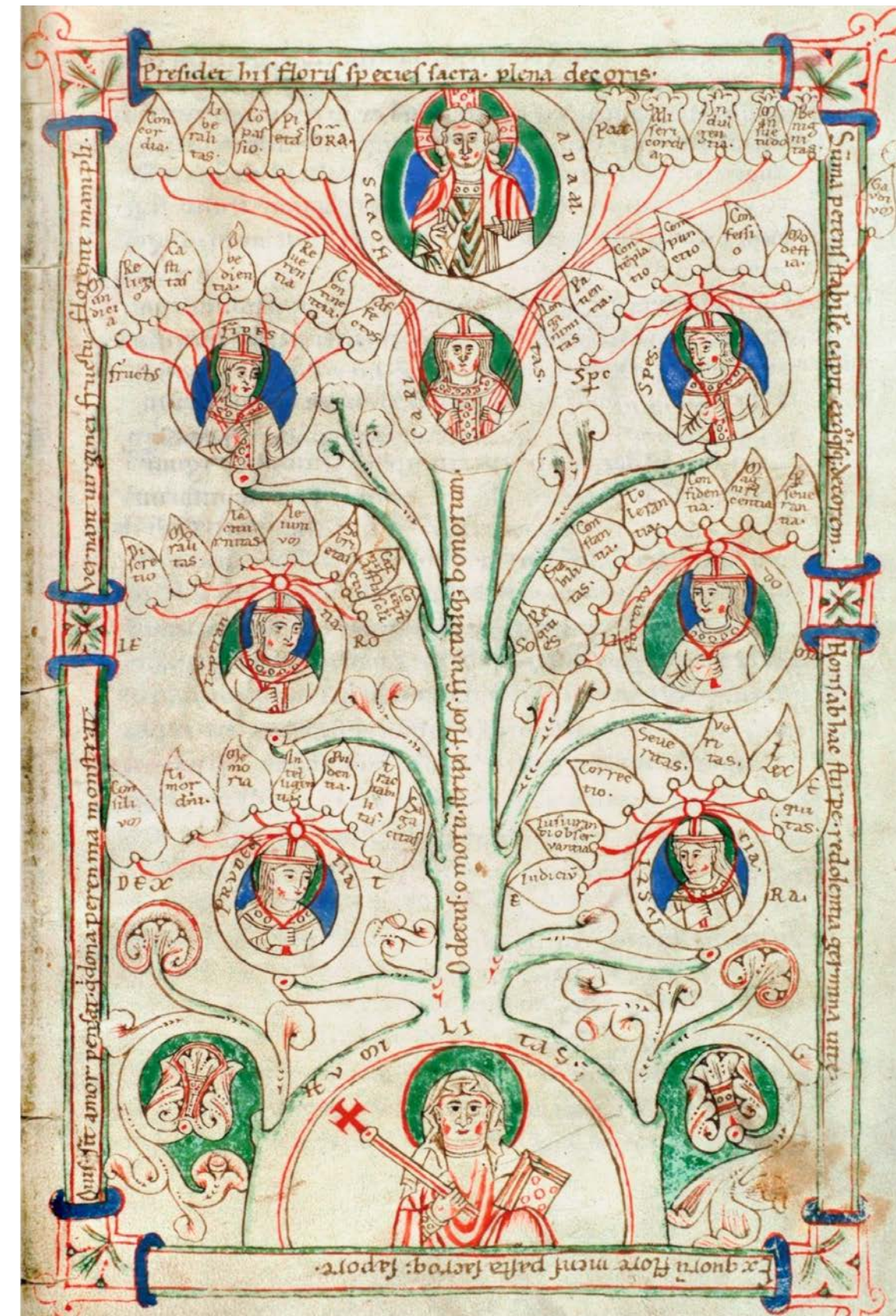
Для запоминания тех или иных текстов, устных или письменных, ритор использовал образы — *imagines*, которые следовало помещать в определенные места — *loci*. Эти места, в свою очередь, должны образовывать ряды, подобно анфиладе комнат во дворце, и запоминаться в определенном порядке. Только при выполнении этого условия можно свободно передвигаться между *loci* и двигаться в прямом или обратном направлении от нужного места. Чтобы не запутаться в порядке мест, необходимо каждый пятый *locus* пометить запоминающимся отличительным знаком — *tituli*.

Средневековые богословы несколько усложнили античную мнемотехнику. Современник Блаженного Августина — Юлий Виктор в своих комментариях к *De inventione* и *Ad Herennium* очень кратко и даже несколько пренебрежительно говорит о *loci* и *imagines*. Для него, помимо мест и образов, самым полезным для письменного и внутреннего запоминания является разделение текста на *divisio* и *compositio*. *Divisio* обозначает разбивку текста на мелкие части для лучшего и более простого запоминания. *Compositio* же собирает все части текста воедино. При этом все *divisio*, подобно *loci*, должны быть собраны в строго определенном порядке. Порядок, бесспорно, является стержнем во всей системе запоминания.

Гуго Сен-Викторский наверняка был знаком с упомянутыми выше текстами и, взяв их за основу, сформировал собственную мнемоническую систему. В *Chronicon* он по большей части опирается на античный принцип, но существенно переосмысляет его. Функцию *imagines* у Гуго выполняют имена, даты и события. *Loci* — это столбцы и строки таблицы. Впрочем, пока это еще довольно простая мнемоническая схема, с помощью которой можно запомнить события истории в их буквальном значении.

И если на таблицы *Chronicon* античный метод искусной памяти накладывается, можно сказать, идеально, то уже в другом сочинении — *De fructibus carnis et spiritus* (О плодах плоти и духа) преобладает средневековый принцип с использованием *divisio* и *compositio*. Трактат *De fructibus carnis et spiritus* был написан не ранее 1140 года, и по сей день его авторство приписывается Гуго Сен-Викторскому. В сочинении речь идет о пороках и добродетелях, а в самом его начале говорится о том, что плоды смирения и гордыни полезно представлять в виде наглядного изображения двух древ, каждое из которых демонстрирует свойства добродетелей и пороков. По мнению автора, послушники и неграмотные люди благодаря таким изображениям лучше смогут понять следствия каждого и выбрать, какое из древ они хотят взрастить в своей душе [Hugonis de S. Victore, 1854, col. 997].

И действительно, этот трактат, как правило, сопровождали иллюстрации двух древ, на ветвях которых изображались плоды — пороки и добродетели. Из каждого плода произрастают листья — под-пороки и под-добродетели (Ил. 1).

Ил. 1

Древо добродетелей. XII в. *De fructibus carnis et spiritus*. Библиотека Зальцбургского университета, Зальцбург

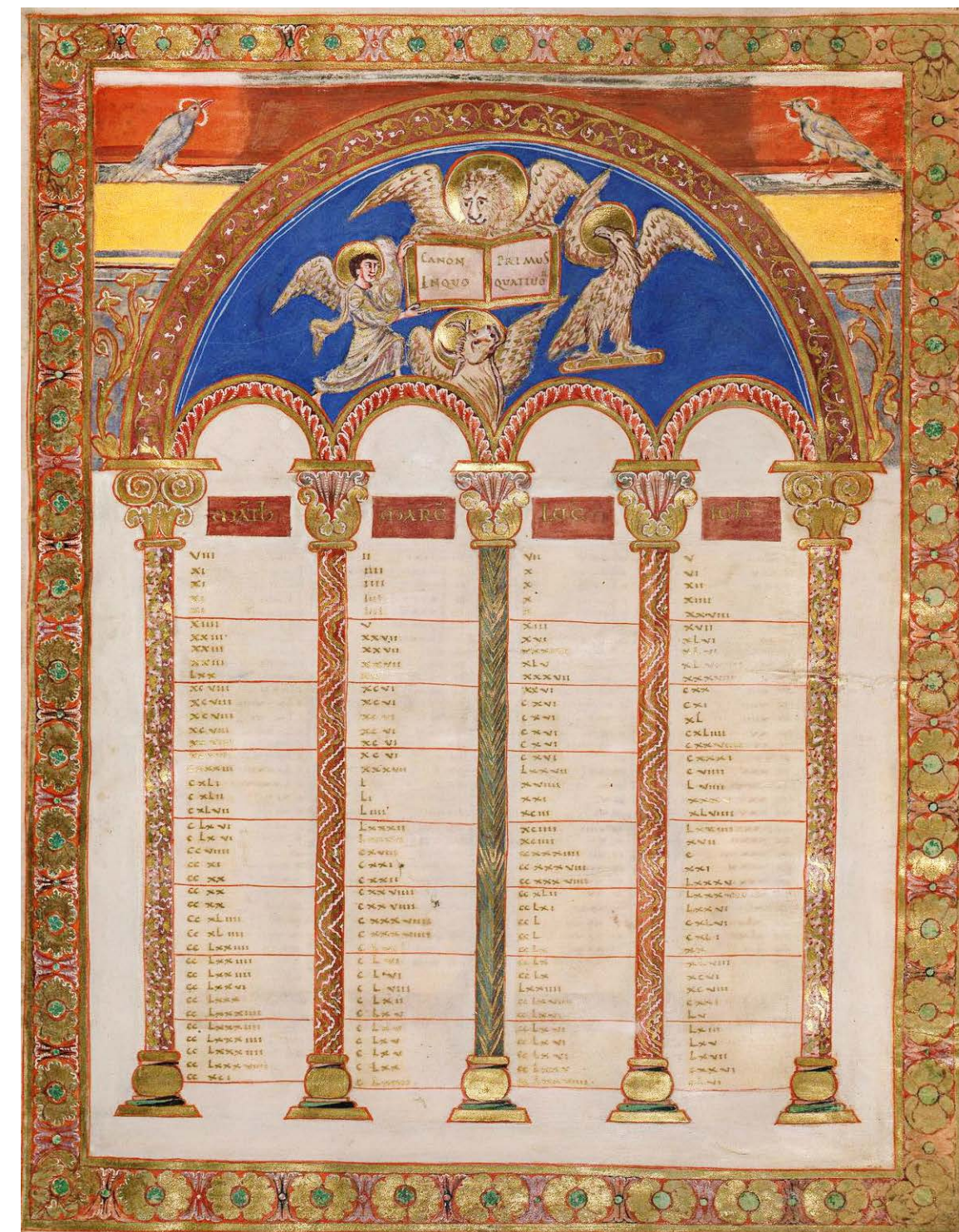
Таким образом, вся назидательная программа сочинения усиливается благодаря диаграммам, изображающим деревья. Пороки и добродетели, будучи переведенными в наглядную форму, перестают восприниматься как абстрактные категории, но становятся более конкретными. Визуальные образы отвлеченных понятий становятся не только «художественно убедительными материальными подобиями, вызывающими духовные интенции, но и подлинными мнемоническими образами, которые использовались человеком, наделенным изумительной природной памятью и громадной силой внутренней визуализации» [Йейтс, 1997, с. 131].

Помимо прочего, в деревьях наглядно показан принцип деления. Деление ствола на все более мелкие элементы (плоды и листья) демонстрирует определенную логическую операцию дробления исходного целого [Evans, 1980, р. 36], что было так свойственно схоластическому сознанию. В этих изображениях викторинцу было важно отразить момент разветвленности, потому что каждая из категорий имеет множество подразделов. С помощью дерева можно явственно отразить систему, где есть главные и второстепенные элементы, имеющие общий стержень. Средневековые богословы и раньше использовали эту форму для классификации тех или иных понятий. Так, к ней нередко обращались для того, чтобы изобразить степени родства. Самый известный пример генеалогического дерева — Дерево Иессеево со схематическими изображениями предков Христа.

Можно сказать, что Гуго одним из первых стал использовать изобразительный материал для обучения братии. Предложенные им схемы были ясно и просто структурированы, в них не было ничего лишнего, а тексты внутри представляли краткий конспект, в который включались только основные положения. И это опять же было сделано для удобства запоминания — память капризна, она любит порядок и краткость: «Изучая, надлежит разделять и собирать познанное, препоручая его своей памяти. Собирать же знания, особенно такие, о которых много писали и рассуждали, значит, сводить их к некоему краткому и удобному своду, который древними назывался эпилогом, то есть сжатым изложением. <...> Память человека несовершенна, и она любит краткость, и если ее загружать многими вещами, она слабо будет удерживать каждую из них. Следовательно, мы должны из всякого учения выбирать нечто краткое и надежное, способное сохраниться в памяти так, чтобы позднее, когда понадобится, можно было из памяти это извлечь» [Сен-Викторский, 2001, с. 336].

Уже к середине XII века изображения, схематично и сжато показывающие хронологию событий Священной Истории, соотношение пороков и добродетелей, закрепились в монашеской среде и использовались для обучения и наставления братии.

В конце XIII века францисканский монах Иоанн из Метца объединил в единую коллекцию разнообразие дидактические диаграммы, которые представляли собой изображения древ, абстрактных и фигуративных таблиц и циркулярных схем, внутри которых были сосредоточены основные догматы и положения христианского вероучения. На сегодняшний день

Ил. 2

Таблица канонов. 879. Золотой кодекс
Св. Эммермана. Баварская государственная
библиотека, Мюнхен

известно тридцать две рукописи с подобными миниатюрами, и датируются они концом XIII–XV веками [Freeman Sandler, 1983, p. 23]. Большая часть этих рукописей — сборники различных текстов, в которые входят материалы для проповедников, молитвенные тексты, генеалогии и проч. Иллюстративный ряд каждого экземпляра Зеркала теологии уникален и не идентичен другому. В некоторых манускриптах число дидактических миниатюр достигает двадцати, в других — девяти. Впрочем, существует «костяк» из ряда миниатюр, которые встречаются практически во всех рукописях Зеркала: Древо пороков, Древо добродетелей, Древо Жизни, Таблица Десяти заповедей, Шестикрылый херувим, Таблица двенадцати последований Символа веры, Семичастное колесо, Башня мудрости, Таблица Семи страстей Христовых.

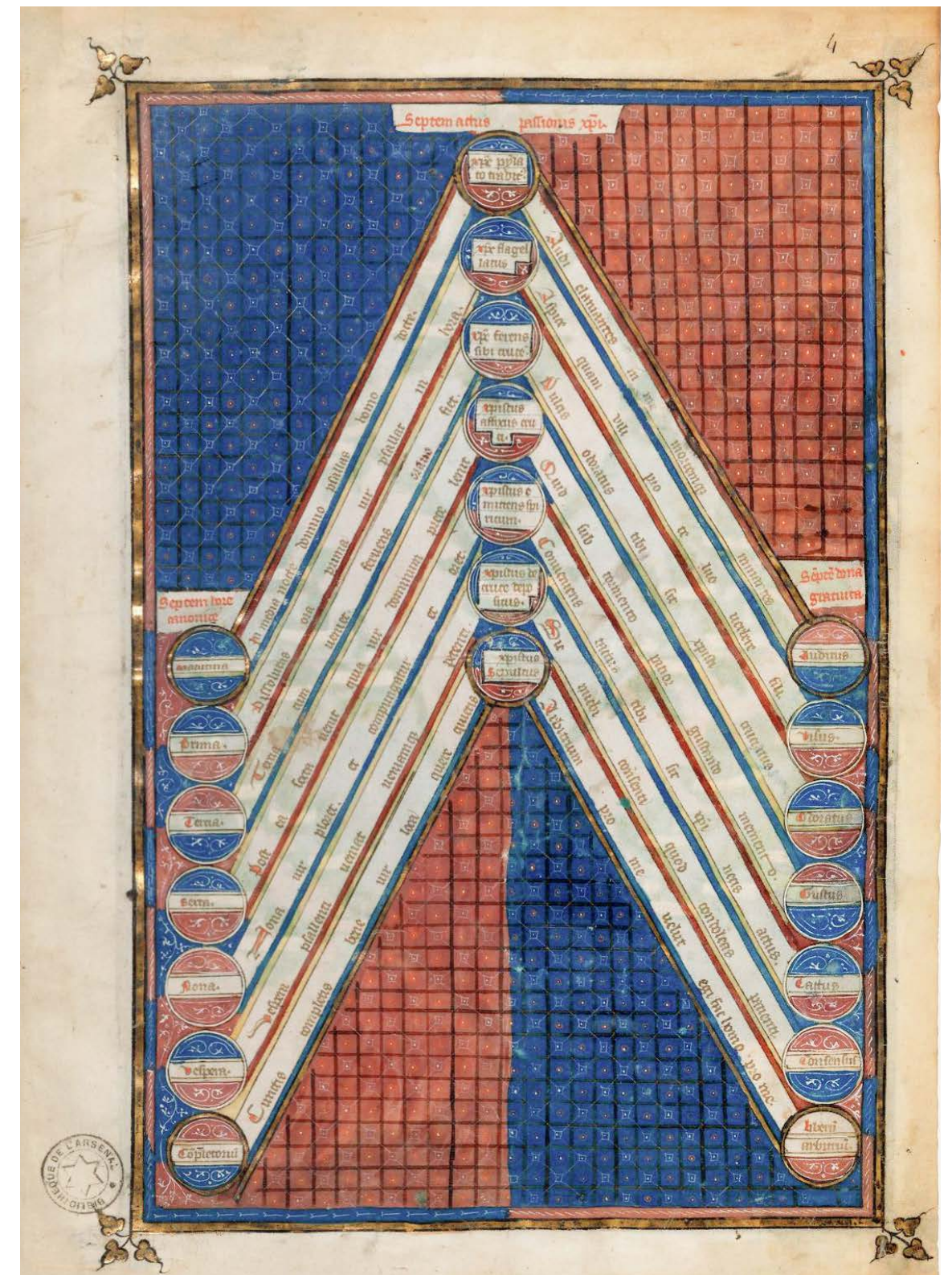
Ряд миниатюр, объединенных под заглавием «Зерцало теологии», никогда не существовал как отдельный манускрипт, подобный Зерцалу морали или Зерцалу человеческого спасения; это именно и исключительно название для определенной группы изображений, но отнюдь не для группы текстов или для отдельного типа иллюминированных рукописей. Девять или двенадцать визуальных диаграмм (как правило, в коллекцию Зеркала теологии входило именно такое количество листов) едва ли могли образовать собой полноценную рукопись, но были непосредственно связаны с другим материалом, содержащимся в книге, составной частью которой они являлись. В связи с этим диаграммы соотносились с другими миниатюрами манускрипта не только по смыслу, но и стилистически. Однако, в большинстве своем Зеркала были лишены украшения и практически не содержали в себе никаких изображений — для подобного рода миниатюр в первую очередь была важна содержательная, семантическая, но никак не художественная сторона.

Большая часть изображений, за исключением Древа пороков, Древа добродетелей, Херувима, была разработана францисканскими монахами и изначально использовалась как мнемоническое подспорье для проповедников [Ransom, 1999, p. 465].

Средневековая проповедь была четко структурирована и состояла из нескольких частей: темы (*thema*), протемы (*prothema*), введения (*introductio*), основной части и заключения (*clausio* или *conclusio*) [Wenzel, 2015, p. 48]. Она строилась вокруг главного тезиса, который подвергался рассмотрению и анализу и разбивался на множество разделов. Эти разделы (*divisio*) в свою очередь могли подразделяться на более мелкие пункты и подпункты (*subdivisio*).

Интересно отметить, что сам принцип построения проповеди во многом пересекается с теми мнемотехническими приемами, к которым предлагал обращаться еще Юлий Виктор.

Нередко проповедник выступал перед публикой на протяжении многих часов, и разумеется, без конспекта и подсказок. А поскольку проповедь была одним из самых регламентированных жанров средневековой словесности и литературы, то личное творчество и импровизация (за редким исключением) не приветствовались. Чтобы проповедники не отступали от предписанной структуры, для них создавались специальные руководства — *Artes*

Ил. 3

Таблица Десяти заповедей. XIV в. Гийом де Сен-Клу. Аллегорические и дидактические таблицы. Библиотека Арсенала, Париж

praedicandi. В них излагалась не только теория проповеди, которую дополняли сборники цитат, примеров и рассуждений на заданную тему, но и техника ее запоминания с помощью умозрительных схем и диаграмм [Roest, 2012, p. 401].

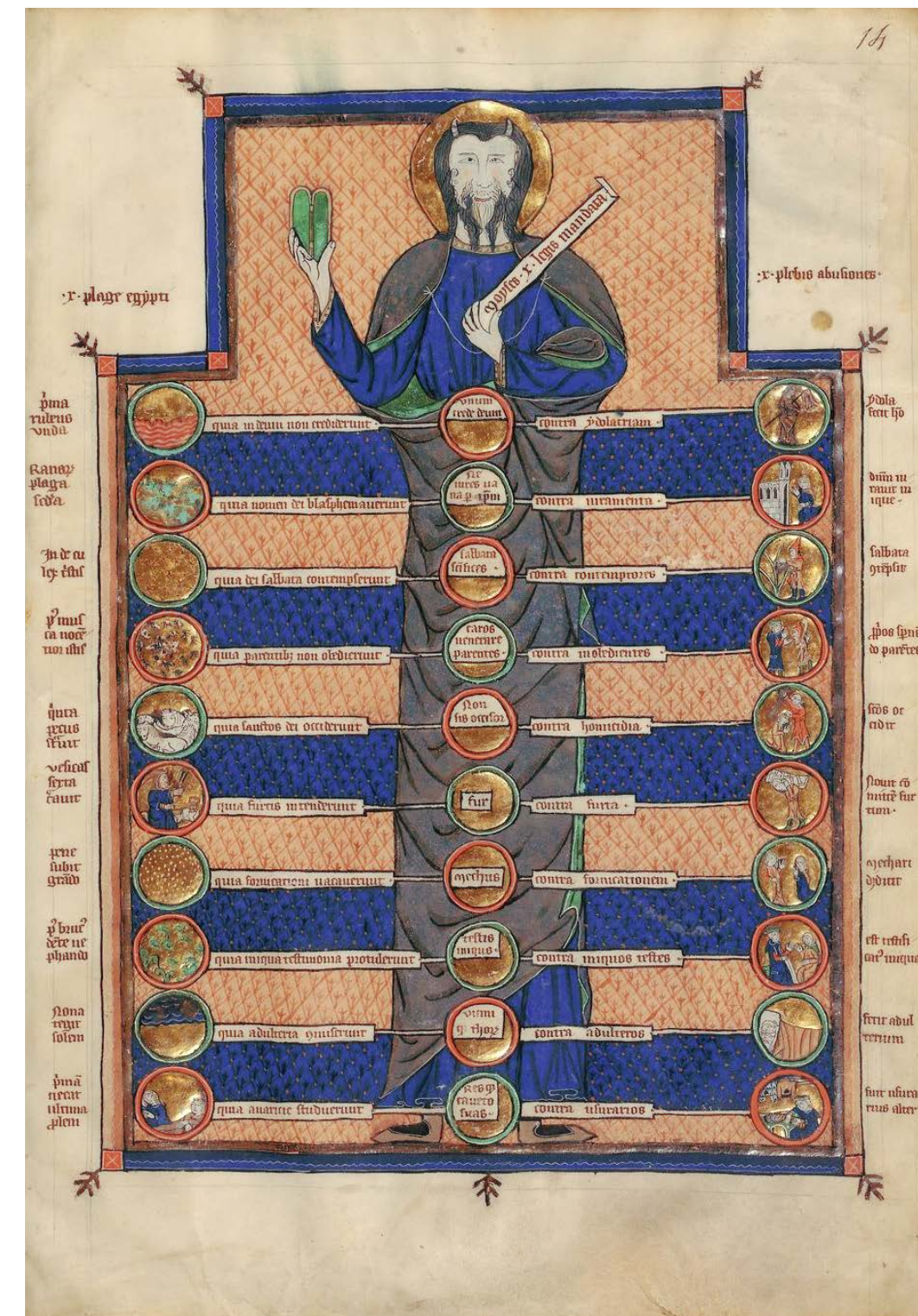
Францисканский монах и теолог Франсеск Эшименис предлагал выстроить в уме специальную мнемоническую схему, представляющую собой окружность, состоящую из нескольких концентрических колец [Wenzel, 2015, pp. 82–83]. Другие авторы *Artes praedicandi*, например Ричард Тетфорд и Джакомо да Фузиньяно, сравнивали проповедь и ее внутреннюю структуру с деревом. Гвидо Фава в своей *Summa dictaminis* (Сумма эпистолярного искусства) сравнивал проповедь со зданием, элементы которого соотносятся с частями проповеди [Топорова, 2011, с. 17].

Умозрительные схемы, предлагаемые авторами *Artes praedicandi*, в сущности, представлены в Зерцале теологии. Древа пороков и добродетелей, Башня мудрости, составленная Иоанном из Метца, а также Колесо семерок, которое очень похоже на умозрительную окружность Франсеска Эшимениса, присутствуют во всех известных на сегодняшний день коллекциях диаграмм *Speculum theologiae*. Несомненно, Зерцало теологии со своими схематичными иллюстрациями служило хорошим подспорьем для клириков. Миниатюры коллекции, по большей части, представляли собой простые схемы и не содержали дополнительной изобразительной программы. В тех редких случаях, когда диаграммы дополнялись изображениями, они (изображения) выполняли роль своеобразных наглядных *exempla* [Freeman Sandler, 1983, p. 27] — коротких нравоучительных рассказов, которые стали активно использоваться в XIII веке проповедниками для более убедительного увещевания грешников [Ле Гофф, 2001, с. 130–134].

Миниатюры, составляющие цикл Зеркала теологии, можно условно разделить на несколько групп. Боббер выделяет два типа миниатюр-диаграмм [Bobber, 1956–1957, p. 84]. Первый тяготеет к фигуративному способу изложения информации. Второй имеет «текстуальную» природу, то есть передает содержание текста и проявляет связи между его различными частями. Помимо этого, автор отделяет визуальные диаграммы от элементарных технических схем [Bobber, 1961, p. 22], непосредственно иллюстрирующих текст. Средневековая схема, в первую очередь, выражает отвлеченное понятие, как правило, догматического характера и призвана продемонстрировать предмет в его гармоничной целостности и выявить взаимоотношения между его частями.

Более подходящим и удобным представляется несколько иной принцип классификации — не по способу изложения информации (образный/текстуальный), а по типам схем:

1. Древа (Древо пороков, Древо добродетелей, Древо Жизни);
2. Таблицы (таблица Семи страстей Христовых, таблица Десяти заповедей, таблица двенадцати последований Символа веры);
3. Циркулярные диаграммы (Колесо духовной борьбы, Семичастное колесо);
4. Фигуративные схемы (Шестикрылый херувим, Башня мудрости).

Ил. 4

Таблица Десяти заповедей. 1201–1400. Vrigiet de solas. Национальная библиотека Франции, Париж

Принцип систематизации информации в древах был рассмотрен выше. Следует еще раз проговорить, что древа были одними из самых часто встречающихся типов диаграмм, однако их структура подходила далеко не для всех смысловых конструкций.

Табулярный способ соединения семантических рядов, наравне с древами, был широко распространен в эпоху Средневековья. Почти каждая Псалтирь или часослов сопровождалась календарем, а в Евангелиях, особенно ранних, обязательно присутствовал табель канонов, который предшествовал самому тексту Нового Завета. Таблицы канонов — одни из самых ранних примеров таблиц. Зачастую они представляли собой изящные колоннады. Интервалы между колоннами образовывали четыре — по числу Евангелий — ячейки, куда и вписывались каноны (Ил. 2).

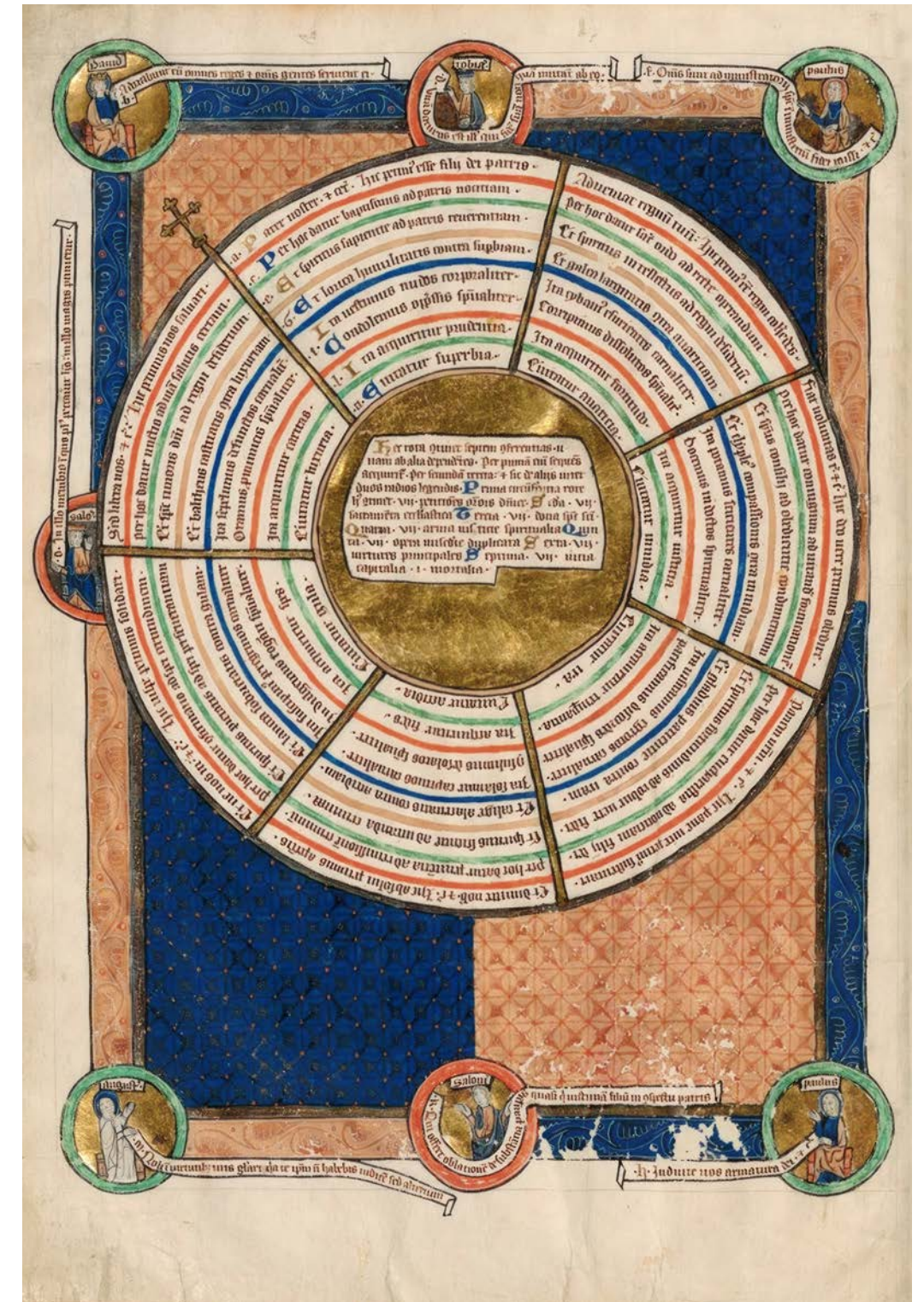
Текст мог быть помещен в схему-таблицу, когда появлялась необходимость сопоставить несколько равноподобных понятий, которые не делятся внутри себя на дополнительные категории, как в древах. Любая аналогия, основанная на числовых соотношениях, может быть изображена в табулярной форме, как ряд сопоставленных друг с другом положений. Самая простая форма таблицы — столбцы. Два или более столбца, сопоставленные между собой, гораздо удобнее и легче читать, если они представлены в структуре, которая делает параллели между ними явными.

Таблица Десяти заповедей состоит из трех столбцов, в каждом по десять медальонов. Центральный столбец — Десять заповедей, слева от него столбец с десятью казнями египетскими, а справа — десять медальонов злоупотреблений нечестивых (десять преступлений против закона Моисеева) (Ил. 3–4).

На приведенных миниатюрах центральный столбец явственно выделяется и воспринимается как концептуальная доминанта, вокруг которой группируются соотнесенные с ней численно события, персонажи и доктрины.

Таблица обладает структурной ясностью благодаря не столько композиционным или смысловым взаимоотношениям частей внутри нее, сколько количественным соответствиям понятий. Чтобы собрать численно тождественные, но семантически разрозненные элементы таблицы, необходимо найти смысловые звенья между ними. Каждая казнь египетская, равно как и каждое злоупотребление нечестивых, связана с одной из заповедей Декалога строкой с пояснительной надписью. Так, в верхнем медальоне центрального столбца написана заповедь «Вера в единого Бога». В строке, ведущей к медальону с первой казнью египетской («Наказание кровью»), написано: «Потому что они не верили в Бога». А в строке, соединяющей медальон центрального столбца с злоупотреблениями нечестивых («Человек творил кумиров»): «Против идолопоклонства». Таким образом, пояснительные надписи скрепляют все три столбца не только зрительно, но и семантически.

Но при всей внешней логичности и безупречной соотнесенности утверждений, внутренние связи схемы оказываются искусственными и весьма

Ил. 5

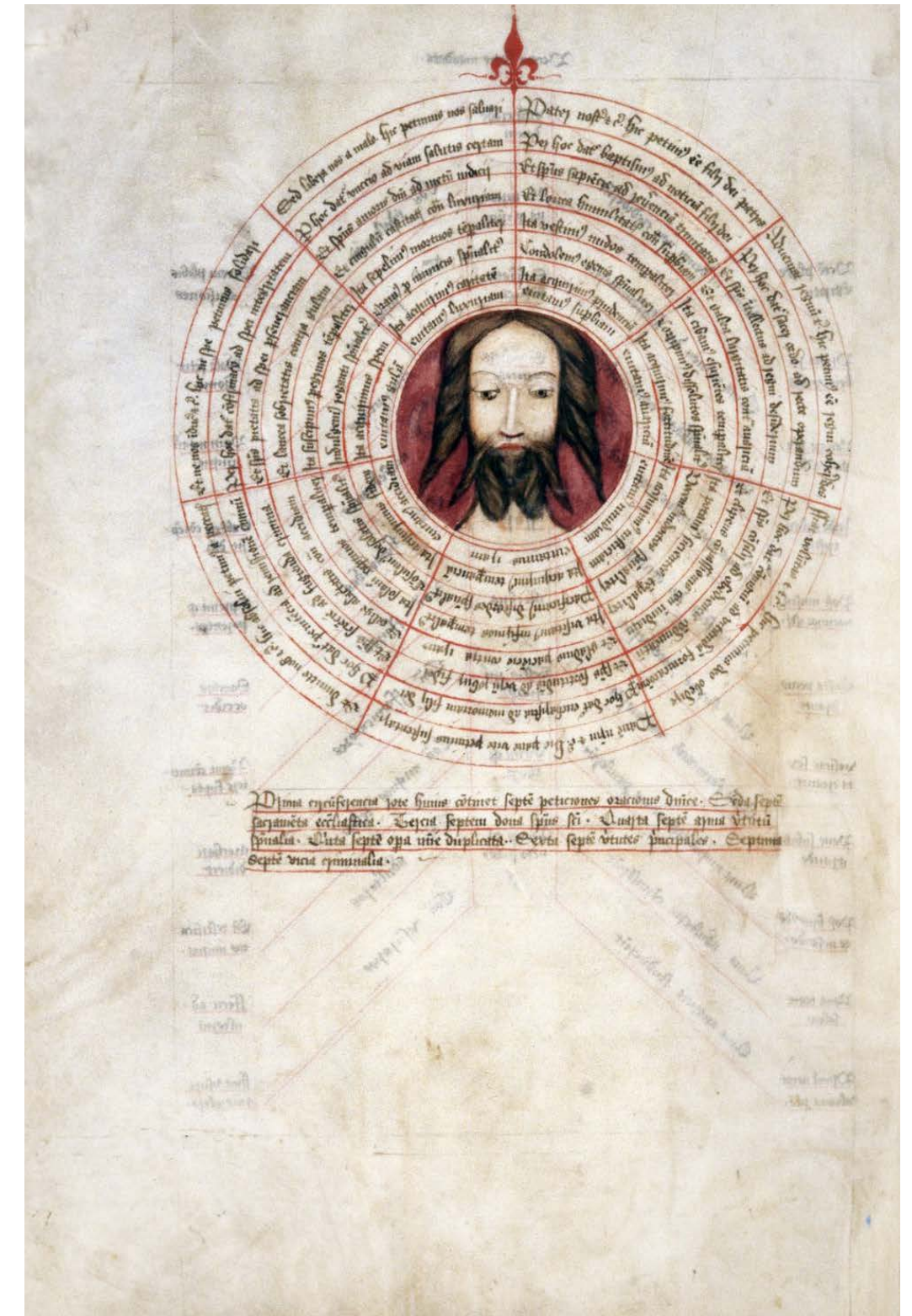
Семичастное колесо. 1201–1400. Vriquet de solas.
Национальная библиотека Франции, Париж

условными, лишенными причинно-следственных связей. И хотя наказание кровью отнюдь не следствие того, что египтяне не верили в Бога и поклонялись идолам, все же эта квази-логическая цепочка — единственный весомый аргумент для принятия группы тех или иных утверждений как единой нравоучительной системы. Она наглядно демонстрирует, какое наказание может настичь человека, если он не будет соблюдать заповеди. Например: «потому что они НЕ верили в Бога» —> «Вера в Бога»; «потому что они НЕ почитали родителей» —> «Почитай отца и мать твою» и так далее. Таким образом, благодаря представленной в таблице демонстративной механике соответствий память надежно фиксирует то, что так настойчиво изложено в схеме.

Семичастное колесо относится к группе циркулярных диаграмм (Ил. 5–6).

Она представляет собой окружность, поделенную внутри себя на семь concentрических колец, а семь радиусов, исходящих из центра, делят окружность на семь сегментов. Подпись внизу или в центре разъясняет значение каждого кольца. Первое кольцо содержит семь прошений молитвы Господней; второе кольцо — семь Таинств Церкви; третье — семь Даров Святого Духа; четвертое — семь орудий добродетели; пятое — семь телесных и духовных деяний милосердия (телесные и духовные деяния могут быть помещены в одно кольцо, а могут быть разбиты на два, воспринимающиеся и прочитывающиеся, как одно); шестое — семь главных добродетелей; седьмое — семь смертных грехов.

Форма окружности с таким количеством делений внутри себя может показаться неудобочитаемой по сравнению с деревом или таблицей. На первый взгляд, она не имеет той ясной целенаправленности как дерево, устремленное вверх, или же таблица, состоящая из нескольких частей, скрепленных между собой смысловыми и зрительными связями, читать которую следует слева направо. Древа и таблицы, в отличие от окружности, явственно демонстрируют логическую последовательность утверждений. И в тех, и в других преобладает линейное движение, линейное прочтение и линейное же развитие событий. Так, например, в Таблице двенадцати последований Символа веры, чья структура абсолютно идентична таблице Десяти заповедей, каждый столбец символизирует одно из исторических времен: пророки — время до Закона; последования Символа веры — время Закона свершившегося и живого; апостолы — примеры того, как следует жить согласно Закону. Именно эта линейность, последовательность и подчиненность целенаправленному движению позволяют соотносить и помещать в одно пространство явления разновременные, такие как Ветхий и Новый Заветы. Их столкновение в единой точке и отчетливое предчувствие одного другим является в этой плоскости мироощущения и миропонимания вещью вполне закономерной. Окружность же, на первый взгляд, не дает ни направления, ни, казалось бы, цели движения. Однако в диаграмме Семичастного колеса всегда отмечено, откуда следует начинать чтение, — это первое последование молитвы Отче наш. Это опровергает точку зрения Эванса, который

Ил. 6

Семичастное колесо. Нач. XV в. Таблицы, etc.
Бодлианская библиотека, Оксфорд

утверждал, что центрическая форма диаграммы, по сути, не имеет ни начала, ни конца и может читаться против часовой стрелки, равно как и по часовой [Evans, 1980, p. 46].

Впрочем, здесь следует говорить не столько о возможности произвольного чтения диаграммы, сколько о ее комбинаторных качествах. В конце XIII столетия Раймонд Луллий составил трактат *Ars Magna* (Великое искусство), в который входили преимущественно разнообразные таблицы и схемы. В их числе была так называемая «Логическая машина» (Ил. 7), которая по структуре схожа с Семичастным колесом. В окружности Луллия концентрические круги, кроме внешнего, могли вращаться, комбинируя между собой понятия, вписанные в сегменты каждого из колец. По точно такому же принципу были устроены специальные астрономические приборы — вольвеллы, использовавшиеся для вычисления фаз луны и ее положения относительно солнца.

Значение «Великого искусства» Луллия для всей последующей как проповеднической, так и мнемотехнической традиции сложно переоценить. Его искусство памяти кардинально отличалось от предшествующего, опиравшегося на *Ad Herennium*, и во многом противоречило схоластической памяти [Йейтс, 1997, с. 229]. Схоластическая память предполагала статичную систему, такую как таблица, а луллиева концепция, оперировавшая, помимо прочего, алгебраическими знаками, фактически расщепляла неподвижные схемы, заставляя их вращаться и постоянно образовывать новые комбинации.

Ars magna, как и Зерцало теологии, было напрямую связано с проповеднической деятельностью. Но задача Луллия состояла не в том, чтобы рассказать пастве о пороках и добродетелях, а в том, чтобы обратить иноверцев в христианство. Отчасти именно это заставило его отказаться от схоластической логики, опиравшейся на демонстративно рациональную аргументацию, в пользу новой «логики веры»: «Приводить разумные аргументы — это, на взгляд Раймунда, пользоваться оружием противника. Цель заключается в том, чтобы его обратить. Дабы состоялся диалог, необходимо вступить в область логики веры, для обращения нужна высшая, в сравнении с мусульманской, логика — техника мышления, могущество которого отвечало бы верховной Истине» [Де Либер, 2004, с. 65].

Несомненно, метод Луллия был знаком тем, кто разрабатывал некоторые из диаграмм, составлявших коллекцию *Speculum theologiae*. Выше говорилось о том, что большинство схем иллюстративного ряда были разработаны францисканцами, а орден св. Франциска, в свою очередь, был довольно тесно связан с луллизмом [Йейтс, 1997, с. 228].

Поэтому не исключено, что концентрическая схема из Зеркала теологии, как и Логическая машина Раймунда Луллия, предполагала возможность если не физического, то умозрительного вращения всех концентрических колец окружности, кроме первого, содержащего последования молитвы Отче наш. Эта диаграмма, представ перед внутренним взором оратора во время проповеди (ведь каждую такую схему следовало запечатлеть в уме),

Ил. 7

Раймунд Луллий. Первая фигура. 1517. *Illuminatis sacre pagine... Raymundi Llull, Ars magna generalis et ultima, quarūcun q[ue] artium [et] scientiarum ipsius Llull, assecutrix et clauigera [et] ad eas aditum faciliore prebēs antehac nusquā arti impressorie emūctius cōmendata, [et] per magistrum Bernardum la Vinheta artis illius fidelissimū interpretē elimata.* Национальная библиотека Испании, Мадрид

давала ему возможность, оперируя одним и тем же материалом, бесконечно варьировать темы, аргументы, примеры и цитаты во время проповеди и тем самым выстраивать ее каждый раз по-новому. Семичастное колесо семантически многомерно и способно вместить в себя информацию разного типа. В результате, циркулярная диаграмма обладает собственной комбинаторикой и открыта для ее частей, каждая из которых можно соотнести друг с другом, и любое утверждение, образованное этой перестановкой, будет верным.

В отдельную группу хотелось бы вынести ряд диаграмм, которые по формальным признакам близки к типологии фигуративных схем, однако их композиционное построение и изобразительность действуют по несколько иным принципам, нежели в древах. В древах пороков и добродетелей заложена внутренняя вариативность и потенция к дроблению на более мелкие составляющие. Это наделяет схему определенной свободой, в то время как некоторые диаграммы, а именно Шестикрылый херувим и Древо Жизни (Ил. 8–9), этого права лишены. Они представляют собой изобразительные конспекты богословских текстов. Шестикрылый херувим иллюстрирует трактат Аллана Лилльского *De sex alis Cherubim* (О шестикрылом херувиме), а Древо Жизни восходит к одноименному сочинению Бонавентуры. Таким образом, эти диаграммы поставлены в жесткие рамки своих текстовых источников, которые пошагово, слово за словом, диктуют, каким изображением должно быть, как оно связано словом и как связывает собою слово.

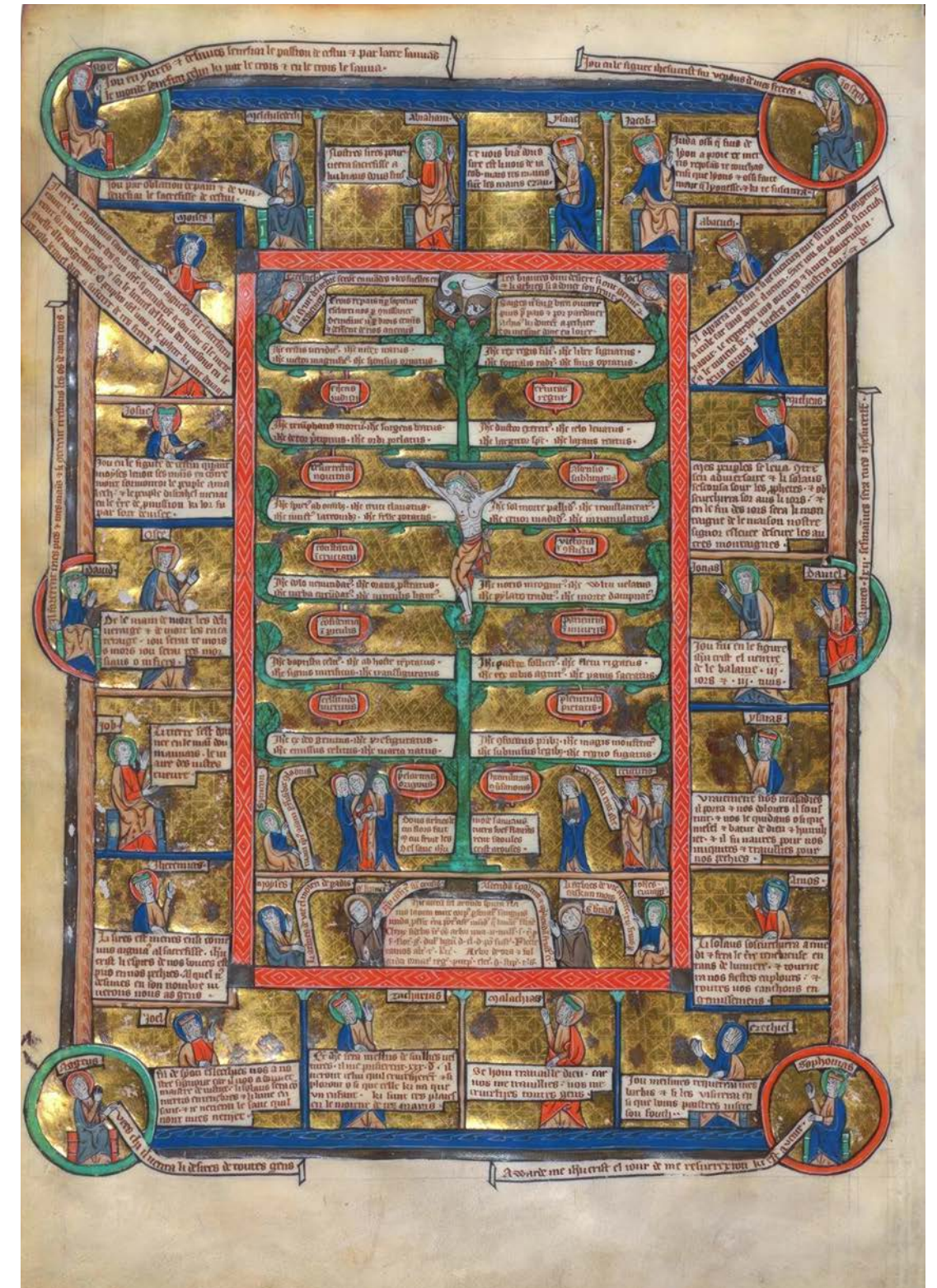
Мнемоническая функция иллюстративного ряда *Speculum theologiae* одна из ключевых, но отнюдь не единственная. Их тесная связь с проповедью, экзегезой и богословскими трактатами может указывать как на более широкий спектр их использования, так и на более глубокие смыслы, заложенные в них. В Средневековье само искусство памяти (*ars memoriae*) — не было вспомогательным инструментом риторики, как это было во времена Античности, а оказывалось в поле этики и дидактики. Искусная память была частью благоразумия и соотносилась с воспоминанием о Рае и Аде, добродетели и пороке [Йейтс, 1997, с. 80]. Из этого утверждения следует, что визуальные диаграммы выступали не только в качестве мнемонических опор для проповедников, которые должны были запечатлеть эти схемы в уме, чтобы прибегать к ним во время выступлений перед паствой. Монахи должны были их не просто запомнить, но, по словам Гуго Сен-Викторского, «отпечатать их в своем сердце» [цит. по: St. Victor, 2002b, p. 45]. Мысленное построение или припоминание схемы, таким образом, — не просто один из методов искусной памяти, а благочестивое медитативное упражнение, схожее с широко использовавшейся в монастырях практикой *sacra pagina*, основанной на созерцательном чтении Библии [Carruthers, 2008, p. 100]. Поэтому ошибкой было бы считать, что миниатюры иллюстративного ряда *Speculum theologiae* и подобные им схематические изображения были только утилитарными и представляли собой краткий конспект проповеди, хотя и были непосредственно с ней связаны.

Ил. 8

Шестикрылый херувим. XIV в. Гийом де Сен-Клу.
Аллегорические и дидактические таблицы.
Библиотека Арсенала, Париж

Диаграммы, будучи многомерными смысловыми таблицами, уже одной своей формой могли отсылать зрителя к более глубинному осмыслению как их самих, так и понятий, в них заключенных. Циркулярные диаграммы напоминали средневековые изображения Вселенной, древа обладали множеством символических значений и могли ассоциироваться с Райским садом, Распятием, лестницей духовного восхождения. Они, в сущности, были воплощенным в зримой форме богословием. Основные положения христианского вероучения с его иерархией добродетелей, догматами веры, нравственными и научными воззрениями были изложены в отвлеченных символических схемах. Благодаря миниатюрам-диаграммам умозрительные теории богословия становились легко запоминаемыми, наглядными и доступными сначала для проповедника, а потом, через его проповедь, и для его паствы.

Ил. 9

Древо жизни. 1201–1400. Vriquet de solas.
Национальная библиотека Франции, Париж

Библиография

- Де Либера, А. (2004).** *Средневековое мышление*. М.: Праксис.
- Йейтс, Ф. (1997).** *Искусство памяти*. СПб.: Университетская книга.
- Ле Гофф, Ж. (2001).** *Средневековый мир воображаемого*. М.: Издательская группа «Прогресс».
- Сен-Викторский, Г. (2001).** *Дидаскалион: Семь книг назидательного обучения*. Пер. Ю. Малинин // Антология средневековой мысли: В 2 т. Т. 1. Под ред. С. С. Неретиной. СПб.: РХГИ. С. 298–341.
- Топорова, А. В. (2011).** *Проповедь и проповедник в Италии: от Средних веков к Возрождению*. М.: Тезаурус.
- Bobber, H. (1956–1957).** *An illustrated Medieval school-book of Bede's De natura rerum* // Journal of the Walters Art Gallery 19–20. Pp. 65–97.
- Bobber, H. (1961).** *In Principo. Creation before Time* // Essays in honor of Erwin Panofsky. New York. Vol. 1. Pp. 13–28.
- Carruthers, M. (2008).** *The book of memory. A study of memory in Medieval culture. Second edition*. New York: Cambridge University Press.
- Evans, M. W. (1980).** *The geometry of the mind* // Architectural Association Quarterly, №12. Pp. 42–53.
- Freeman Sandler, L. (1983).** *The Psalter of Robert de Lisle in the British Library*. London: Brepols Publishers.
- Hugonis de S. Victore (1854).** *“De fructibus carnis et spiritus”* // In Opera omnia ed. by J.-P. Migne. PL, t. 176. P.: Migne. Col. 997–1009.
- Ransom, L. (1999).** *The “Speculum theologiae” and Readership: Considering the Manuscript Evidence* // The Papers of the Bibliographical Society of America. Vol. 93, No. 4. Pp. 461–483.
- Roest, B. (2012).** *“Ne effluat in multiloquium et habeatur honerosus”*: *The Art of Preaching in the Franciscan Tradition* // Franciscans and Preaching: Every Miracle from the Beginning of the World Came about through words. (The Medieval Franciscans, Vol. 7) edited by Johnson Timothy J. Leiden, Boston: Brill. Pp. 383–412.
- St. Victor, H. (2002a).** *The Three Best Memory Aids for Learning History. Translated by M. Carruthers* // The Medieval Craft of Memory: an Anthology of Texts and Pictures / edited by Carruthers M. and Ziolkowski J. M. Philadelphia. Pp. 33–40.
- St. Victor, H. (2002b).** *A Little Book About Constructing Noah's Ark. Translated by M. Carruthers* // The Medieval Craft of Memory: an Anthology of Texts and Pictures / edited by Carruthers M. and Ziolkowski J. M. Philadelphia. Pp. 41–70.
- Wenzel, S. (2015).** *Medieval Artes Praedicandi: A Synthesis of Scholastic Sermon Structure*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press.

Worm, A. (2013). *Visualizing the Order of History: Hugh of Saint Victor's Chronicon and Peter of Poitiers' Compendium Historiae* // Romanesque and the Past: Retrospection in the Art and Architecture of Romanesque Europe. Ed. by John McNeill and Richard Plant. Leeds: Maney Publishing.

Список иллюстраций

- Ил. 1.** Древо добродетелей. XII в. De fructibus carnis et spiritus. Библиотека Зальцбургского университета, Зальцбург. MS. Sign. V. I. H. 162, fol. 76v. Источник изображения — URL: <https://ncd.life/character/d/files/3cocom-p20.png> (дата обращения: 09.11.2024)
- Ил. 2.** Таблица канонов. 879. Золотой кодекс Св. Эммермана. Баварская государственная библиотека, Мюнхен. Clm. 14000, fol. 10r. Источник изображения — Официальный сайт библиотеки. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb00096095?page=12,13> (дата обращения: 09.11.2024)
- Ил. 3.** Таблица Десяти заповедей. XIV в. Гийом де Сен-Клу. Аллегорические и дидактические таблицы. Библиотека Арсенала, Париж. MS 1037, fol. 2v. Источник изображения — Официальный сайт библиотеки. URL: <https://gallica.bnf.fr/view3if/ga/ark:/12148/btv1b52500993t> (дата обращения: 09.11.2024)
- Ил. 4.** Таблица Десяти заповедей. 1201–1400. Vrigiet de solas. Национальная библиотека Франции, Париж. Français 9220, fol. 4r. Источник изображения — Официальный сайт библиотеки. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53138414w/f10.planchecontact> (дата обращения: 09.11.2024)
- Ил. 5.** Семичастное колесо. 1201–1400. Vrigiet de solas. Национальная библиотека Франции, Париж. Français 9220, fol. 11v. Источник изображения — Официальный сайт библиотеки. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53138414w/f10.planchecontact> (дата обращения: 09.11.2024)
- Ил. 6.** Семичастное колесо. Нач. XV в. Таблицы, etc. Бодлианская библиотека, Оксфорд. MS Laud Misc. 156, fol. 64v. Источник изображения — Официальный сайт библиотеки. URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/d46eadb5-57f3-4cef-97fe-91bb48ace698/surfaces/29c59373-589a-4d02-b917-a95ad0790a99/> (дата обращения: 09.11.2024)
- Ил. 7.** Раймунд Луллий. Первая фигура. 1517. Illuminati sacre pagine... Raymundi Llull, Arsmagna generalis et ultima, quarūcun q[ue] artium [et] scientarium ipsius Llull, assecutrix et clauigera [et] ad eas aditum faciliore prebēs antehac nusq[uam] arti impressorie emūctius cōmendata, [et] per magistrum Bernardum la Vinheta artis illius fidelissimū interpretē elimata. Национальная библиотека Испании, Мадрид. Источник изображения — URL: <https://d3525k1ryd2155.cloudfront.net/h/>

- 085/336/1114336085.2.x.jpg (дата обращения: 09.11.2024)
- Ил. 8.** Шестикрылый херувим. XIV в. Гийом де Сен-Клу. Аллегорические и дидактические таблицы. Библиотека Арсенала, Париж. MS 1037, fol. 6v. Источник изображения — Официальный сайт библиотеки. URL: <https://gallica.bnf.fr/view3if/ga/ark:/12148/btv1b52500993t> (дата обращения: 09.11.2024)
- Ил. 9.** Древо жизни. 1201–1400. Vrigiet de solas. Национальная библиотека Франции, Париж. Français 9220, fol. 9v. Источник изображения — Официальный сайт библиотеки. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53138414w/f10.planchecontact> (дата обращения: 09.11.2024)

References

- Bobber, H. (1956–1957).** *An illustrated Medieval school-book of Bede's De natura rerum* // Journal of the Walters Art Gallery 19–20. Pp. 65–97.
- Bobber, H. (1961).** *In Principo. Creation before Time* // Essays in honor of Erwin Panofsky. New York. Vol. 1. Pp. 13–28.
- Carruthers, M. (2008).** *The book of memory. A study of memory in Medieval culture. Second edition*. New York: Cambridge University Press.
- Evans, M. W. (1980).** *The geometry of the mind* // Architectural Association Quarterly, №12. Pp. 42–53.
- Freeman Sandler, L. (1983).** *The Psalter of Robert de Lisle in the British Library*. London: Brepols Publishers.
- Hugonis de S. Victore (1854).** *“De fructibus carnis et spiritus”* // In Opera omnia ed. by J.-P. Migne. PL, t. 176. P.: Migne. Col. 997–1009.
- Le Goff, J. (2001).** *Srednevekovyj mir voobrazhaemogo* [The Medieval Imagination]. Moscow: Progress. [In Russ.]
- Libera, A. de (2004).** *Srednevekovoe myshlenie* [Medieval Thought]. Moscow: Praxis. [In Russ.]
- Ransom, L. (1999).** *The “Speculum theologiae” and Readership: Considering the Manuscript Evidence* // The Papers of the Bibliographical Society of America. Vol. 93, No. 4. Pp. 461–483.
- Roest, B. (2012).** *“Ne effluat in multiloquium et habeatur honerosus”*: *The Art of Preaching in the Franciscan Tradition* // Franciscans and Preaching: Every Miracle from the Beginning of the World Came about through words. (The Medieval Franciscans, Vol. 7) edited by Johnson Timothy J. Leiden, Boston: Brill. Pp. 383–412.
- St. Victor, H. (2001).** *Didaskalion: Sem' knig nazidatel'nogo obucheniya. Per. Yu. Malinin* [Didascalicon: The Seven books of edifying teaching. Translated by Y. Malinin] // Antologiya srednevekovoj mysli [Antology of Medieval thought].

- V. 1. Edited by S. S. Neretina. Saint Petersburg: RKhGA. Pp. 298–341. [In Russ.]
- St. Victor, H. (2002a).** *The Three Best Memory Aids for Learning History. Translated by M. Carruthers* // The Medieval Craft of Memory: an Anthology of Texts and Pictures / edited by Carruthers M. and Ziolkowski J. M. Philadelphia. Pp. 33–40.
- St. Victor, H. (2002b).** *A Little Book About Constructing Noah's Ark. Translated by M. Carruthers* // The Medieval Craft of Memory: an Anthology of Texts and Pictures / edited by Carruthers M. and Ziolkowski J. M. Philadelphia. Pp. 41–70.
- Toporova, A. (2011).** *Propoved' i propovednik v Italii: ot Srednih vekov k Vozrozhdeniyu* [Sermon and preacher in Italy: from Middle Ages to Renaissance]. Moscow: Tezaurus. [In Russ.]
- Wenzel, S. (2015).** *Medieval Artes Praedicandi: A Synthesis of Scholastic Sermon Structure*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press.
- Worm, A. (2013).** *Visualizing the Order of History: Hugh of Saint Victor's Chronicon and Peter of Poitiers' Compendium Historiae* // Romanesque and the Past: Retrospection in the Art and Architecture of Romanesque Europe. Ed. by John McNeill and Richard Plant. Leeds: Maney Publishing.
- Yates, F. (1997).** *Iskusstvo pamyati* [The Art of Memory]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga. [In Russ.]